

УДК 85.118.2

DOI 10.21661/r-473875

И.П. Гусякова

АРХИТЕКТОНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ Г. УЛАН-УДЭ

Аннотация: в настоящей статье автор рассматривает архитектуру генерального плана развития города Улан-Удэ на современном этапе развития. Намечает наиболее злободневные тенденции развития, рассуждает о механизмах развития применительно к предмету рассмотрения своей работы.

Ключевые слова: архитектура, генеральный план развития города, регулятивные механизмы, развитие культуры, кумуляция, дивергенция, синтез, селекция, дивергенция, городская среда.

I.P. Guslyakova

ARCHITECTONICS OF THE GENERAL PLAN OF THE CITY OF ULAN-UDE

Abstract: in this article the author considers the architectonics of the master plan of Ulan-Ude city development at the present stage of development. He outlines the most topical development trends, discusses the mechanisms of development in relation to the subject of his work.

Keywords: architectonics, master plan of city development, regulatory mechanisms, culture development, cumulation, divergence, synthesis, selection, divergence, urban environment.

Смысловая конструкция, лежащая в основе понимания термина «генеральный план развития города» является, на наш взгляд применительно к расшифровке его с позиции архитектуры. Выбранный подход не просто раскрывает внутреннее единство ценностного, смыслового, социально-культурного и социально-экономического аспектов российского общества как единого целого, развивающегося по общим законам. Это позволяет рассмотреть отдельные

составляющие развития современного российского общества через их поступательное становление, как во времени, так и в пространстве [1, с. 159]. С точки зрения логики архитектурного развития последовательное восходящее надстраивание основных регулятивных механизмов культуры, таких как кумуляция, дивергенция, синтез, селекция и конвергенция, изначально истолкованные в работах отечественных исследователей, например Кондакова И.В. и Малошика М.В. могут быть применены в равной степени и к пониманию концепта «генеральный план развития города» [1, с. 160; 2, с. 89, 94]. На наш взгляд, в широком понимании, генеральный план развития города является многослойным и каждая базовая надстройка его как единого целого определяет единое архитектурное строение как культурно-исторической целостности, этапы окончательного формирования которого до настоящего времени не завершены и пребывают в постоянной динамике и изменении [1, с. 160].

Категория «генеральный план развития города» в отечественной научной мысли представляется чаще всего как набор определенных конструктов, совокупность которых и дает общее представление о нем. Причем немаловажно отметить и тот факт, что зачастую это понятие соотносится с экономическими и архитектурными показателями. Наиболее полно генеральный план трактует, по нашему мнению, википедия, определяя его как проектный документ, на основании которого осуществляется планировка, застройка, реконструкция и иные виды градостроительного освоения территории [3].

Основную часть генерального плана составляет масштабное изображение, которое получают посредством наложения чертежа проектируемого объекта на топографический, инженерно-топографический или фотографический план территории. При этом в качестве объекта проектирования может выступать как отдельный земельный участок с расположенным на нем объектом архитектурного сооружения, так и территория целого города или муниципального района.

Нам же видится это понятие гораздо шире, и это в значительной степени позволяет утверждать, что к нему в равной степени подходит понимание генерального плана развития города как части культурного пространства города.

Многие памятники архитектуры неразрывно связаны с социально-экономическими, культурно-историческими связями с народом, проживающими на территории города, с его сложившимися традициями, с исторической памятью, запечатленной в рукотворных памятниках городской архитектуры которые не только отражают его внутреннее убранство, но и становятся маркерами «культурной идентичности» каждого конкретного города, которые зачастую становятся визитной карточкой того или иного города. Например, скульптурное изваяние головы Владимира Ильича Ленина, основателя Советского государства, установленное в центре города Улан-Удэ на площади Советов, является самой большой скульптурой головы Ленина в мире, объектом туристического и общемирового наследия. Памятник «Сантехнику Степанычу», расположенный на Любинском проспекте в г. Омске является одним из ярких его арт-объектов. При составлении туристических объектов именно изучение подобных памятников в конечном счете и определяет так называемую топографическую карту туристического маршрута, делают его интересным и насыщенным. Кроме того, архитектурные композиции выступают и в роли популяризаторов современного искусства. Ярким примером можно назвать, в частности, Новый обелиск, построенный в 2014 году к 100-летию единения Тувы и России по проекту бурятского художника Даши Намдакова. Он представлен ансамблем из трёх львов, которые держат земной шар, увенчивает этот монументальный памятник современности высокий штиль. Внешне памятник очень похож на предыдущий обелиск, но, не смотря на это, данный памятник представляет свершено иное видение мира и художественную реализацию. Не удивительно, что до настоящего времени среди широких кругов общественности ходят разные мнения по поводу судьбы предыдущего памятника, который в силу своей ветхости был демонтирован и на его месте был воздвигнут этот памятник культуры. Определенная логика исторической памяти

заключается в том, чтобы ранее созданные памятники культуры оставались и давали возможность новым поколениям людей знакомиться с предыдущим опытом развития своего народа, а достойным проводником в этом познавательном процессе, должны стать памятники культуры. На предложенном в качестве нашего примера памятнике изображены грандиозные фигуры восточных драконов, увенчивает которых высокая стела, декоративное изображение которой выполнено в виде символических животных, переплетающихся в общем стремлении восхождения к небу. Кроме того, люди видят композиционный ансамбль дополняется двенадцатью зодиакальными образами, которые составляют буддийский гороскоп. Наряду с этой композицией, на площади, по соседству с обелиском, установлены скульптурные группы – бронзовая «Царская охота», выполненная также Д. Намдаковым и мраморная – «Мой дом», автором которой является киргизский художник И. Жусупов. Работа И. Жусупова выполнена в рамках первого международного скульптурного симпозиума, который проводился в конце июля 2014 г. в Кызыле, и заняла второе место. Скульптура «Мой дом» состоит не из одного, а сразу из двух элементов: верблюда, везущего поклажу и мальчика-пастуха (арата), который стоит возле него. Подобных примеров можно найти в любом городе, разница заключается лишь в степени их известности, многокомпонентности, зачастую рожденным внутренним колоритом той или иной территории и обычаями проживающих на конкретной территории народов.

Диалектика предполагает, что если целое подчиняется какой-то конкретной модели развития, то этой же модели придерживается и частное, а в нашем случае генеральный план развития культуры города. Поэтому в логике развития культурного пространства, как и его частей, находится много общего.

Анализ научной и периодической литературы по теме нашего исследования показал, что строение генерального плана развития города может быть представлено в трех смысловых этапах. Первый связан с действием двух регулятивных механизмов, которые действуют друг за другом параллельно – кумуляция и дивергенция. На этом этапе происходит стадия образования города, его

идентификация, связанная с видами ремесел, промыслов, особенностями бытовой повседневной культуры, сложившейся на данной территории исторически, особенности сложившихся отношений между представителями разных народов обитающих на этой территории. Развитие города и понимание векторов его развития шло в этот период в определенной хаотичности, как «снежный ком». Поэтому логичным стало возникновение второго этапа, который являлся совокупностью явлений и процессов вторичной конфигурации, надстраивающихся над первоначально сложившимися смысловыми структурами. Этот этап, по нашему мнению, можно обозначить как механизм культурного синтеза и селекции. На данном этапе большинство новых веяний доминирующих на историческом развитии целого общества находят отражение на его малых частях, то есть провинция во многом начинает дублировать тенденции столичных городов. Такое подражание исторически оправдано и служит определенной чертой развития города. Для подтверждения этих слов достаточно вспомнить особенности исторической застройки городов в период Союза Советских Социалистических республик, когда практически все центральные улицы городов были связаны с именами знаменитых функционеров, господствующей в стране идеологии, например, улица Ленина, К.Маркса, Ф.Энгельса, памятники комсомолу и т. п. Эпоха рождает свои творения и со временем понимание эстетичного и неповторимого, которое приемлемо в разные периоды общества и переносится с целого на частное. Например, модернизм в отечественной архитектуре городов, монументализм строения сталинской эпохи, говорящие названия квартир, построенных по определенным канонам – высокие потолки, небольшая территория квартир или наоборот внушительные размеры, в простонародье так называемые «сталинки», «брежневки», «хрущевки», или входящие в обиход в последнее время – студии. В то же время, в этот период городская культурная среда стремилась к самоограничению, сохранению самоидентичности за счет отсека всего лишнего, изъятия тех компонентов и форм, которые противоречат принципам данной системности [1, с. 165]. Так, после развала Советского Союза процесс третичной

конфигурации связан с новым интегративным механизмом – конвергенцией. В настоящее время мы являемся свидетелями действия именно этого механизма. Он направлен на интеграцию разнородных ценностей, взаимоисключающих тенденций, полярных смыслов в рамках единого целого.

С учетом действия данного механизма, логика построения городского пространства в ретроспективе генерального развития города становится постмодернистской, зачастую может показаться бессистемной и хаотичной. Однако, рассуждая о генеральном плане развития города, несмотря на присутствие общей тенденции, описанной нами чуть выше, нельзя не учитывать тот факт, что генеральный план развития города является определяющим вектором его развития. И здесь все-таки необходима определенная системность.

Актуальный генеральный план развития городского округа «город Улан-Удэ» утвержден Решением Улан-Удэнского городского совета депутатов от 25 марта 2008 года №816–82 [4]. Именно он является официально принятым законодательно утвержденным документом, в рамках действия которого определены направления развития города на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Логика данного документа строится на принципах последовательности и системности в его реализации, учитывая тот факт, что большинство принимаемых решений получит свою реализацию в течение нескольких десятков лет. Кроме того, в проекте учитываются такие важные элементы, как схема границ особых территорий зон, схема автомобильных дорог и транспортных развязок, как уже существующих, так и планируемых, схема объектов и сетей водо-, газо-, энерго-, и теплоснабжения. Градостроительный кодекс Российской Федерации определяет генеральный план развития города, как основной документ, определяющий территориальное планирование. Тем не менее, он носит скорее рекомендательный характер. Именно и во многом благодаря этому в последние годы все чаще на практике наблюдается переход от использования генерального плана к проектам межевания и планировки.

Развитие города Улан-Удэ проходит во многом по исторически сложившимся векторам развития. Например, Советский район города является в большей степени «административным», Железнодорожный выступает в роли «рабочего» района, а Октябрьский район – это «спальный» район города. Ассиметрия, мозаичность, сочетание в архитектуре разных культурных тенденций и стилей, связанных с этим периодом, вводит в обиход понимание обобщенных терминов, связанных с какими-то культурно-историческими событиями города, его достижениями или этапами развития (например, «Барахолка» (г. Улан-Удэ), «Старый Арбат» (г. Москва), «Синюшкина гора» (г. Иркутск), «Молитовка» (г. Нижний Новгород) и т. п.). Если раньше архитектура города предполагала общую тенденцию в возведении новых промышленных и социально-бытовых учреждений, определяющих как цветовое решение, декоративно – художественное оформление возводимых объектов, этажность, то на сегодняшний день на первое место выходят такие критерии как удобство, уникальность и престижность того или иного района для проживания с позиции горожан. Каждый из этих факторов, продуманный на стадии проектирования способен не только увеличить фактор престижности района или конкретного объекта, но и в значительной степени повлиять на ценовую привлекательность и итоговую расчетную стоимость возводимого объекта как единичного, так и в группе объектов.

В градостроительной практике г. Улан-Удэ появляется много зданий, включаемых в контекст современной городской среды на стадии реновации определенных частей города. К сожалению, некоторые реализуемые проекты не всегда учитывают особенности и исторически сложившееся представление горожан, прочно вошедшее в понимание своего города. В некоторых случаях благодаря так называемой «точечной застройке» утрачивается историческая связь с предыдущим опытом развития городской среды. Если исторический центр города является территорией, представляющей культурно-историческую ценность, то периферийные районы застраиваются несколько хаотично. Самовольные застройки и несогласованность многих архитектурных проектов в ансамбле уже

имеющихся на той или иной территории архитектурных сооружений является скорее сложившейся тенденцией, чем исключением из правила.

Заставляет обратить на себя внимание и тот факт, что муниципальные органы власти зачастую не прислушивается к мнению горожан в отношении предстоящих застроек города. Вопросы обустроенности вновь осваиваемых территорий новыми объектами социально-культурной инфраструктуры решаются по стандартной схеме, когда вновь появляющиеся застроенные районы проигрывают в своей уникальности и являются типовыми. Нерешенность многих проблем, вытекающим из этого, позволяет нас утверждать, что изучение архитектурного строения генерального плана развития города еще долгие годы будет являться актуальным вопросом исследования городской среды в самых разных аспектах.

Список литературы

1. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры / И.В. Кондаков // ОНС. – 1999. – №1. – С. 159–172.
2. Малошик М.В. Телевизионное пространство России: культурологический и социологический дискурс / М.В. Малошик. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 187 с.
3. Википедия. – М., 1997–2012 [Электронный ресурс]. – Режим обращения: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.10.2018).
4. Решение Улан-Удэнского городского совета депутатов от 25 марта 2008 года. – №816–82.

References

1. Kondakov, I.V. (1999). Arkhitektonika russkoi kul'tury. *ONS*, 1, 159–172.
2. Maloshik, M.V. (2006). *Televizionnoe prostranstvo Rossii: kul'turologicheskii i sotsiologicheskii diskurs.*, 187. Ulan-Ude: IPK FGOU VPO VSGAKI.
3. (1997). *Vikipediia*. M. Retrieved from <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. *Reshenie Ulan-Udenskogo gorodskogo soveta deputatov ot 25 marta 2008 goda.*

Гуслякова Ирина Петровна – соискатель, магистрант ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», Россия, Улан Удэ.

Guslyakova Irina Petrovna – applicant, graduate student at the Buryat State University, Russia, Ulan-Ude.
